ГЕНЕРАЛЬША.

Не въ глуши и вовсе не въ Саратовѣ, а на пространствѣ между обѣими столицами и въ трехъ только верстахъ отъ большой дороги, есть сельцо, въ которое я попалъ случайно, проѣзжая вмѣстѣ съ тамошнимъ уѣзднымъ предводителемъ въ сосѣднюю съ сельцомъ этимъ усадьбу.

— Зайдемте, пожалуйста, къ одной изъ помѣщицъ этого сельца, сказалъ онъ мнѣ: — вы познакомитесь съ лицомъ, извѣстнымъ у насъ въ уѣздѣ, подъ именемъ *генеральши*, потому–что она, говоря о себѣ охотно въ третьемъ лицѣ, сама себя иначе не называетъ. Я задержу васъ только на часъ или полтора; но вы этимъ подарите мнѣ три дня, потому–что мнѣ, вѣроятно, пришлось бы ѣхать сюда нарочно. Думаю, что и вы не пожалѣете потеряннаго часа, потому–что увидите лицо довольно–замѣчательное и, вѣроятно, будете

свидѣтелемъ неменѣе–замѣчательнаго объясненія.

— Съ удовольствіемъ. Что жъ, вѣроятно, у васъ и здѣсь также небольшія ссоры и мировыя между сосѣдями?

— Ужъ не говорите! Пять владѣльцевъ въ одномъ сельцѣ, да на бѣду еще въ этомъ числѣ три бабы, и всѣ пятеро постоянно проживаютъ въ своихъ помѣстьяхъ! Вѣрите ли, дошло до того, что исправникъ и становой объѣзжаютъ сельцо Подымалово, какъ чуму; каждую почту въ земскій судъ приходитъ отсюда по пяти просьбъ, то–есть отъ каждаго владѣльца по одной, и просьбы эти пріобщаются къ особому *наряду*, который надписанъ: «нарядъ просьбамъ и жалобамъ владѣльцевъ сельца Подымалова.» Каждыя двѣ–три недѣли приходятъ жалобы на имя губернскихъ властей, и вотъ оттуда–то порою сваливаются они и на меня, заставляютъ, хоть ради позора, укрощать и усовѣщивать почтенныхъ владѣльцевъ, но безуспѣшно. Вотъ вы увидите сами образчикъ такой попытки моей. Лѣтъ неболѣе двѣнадцати,

Подымалово было въ однѣхъ рукахъ: четыреста душъ, земли довольно, лѣса и воды свои, крестьяне зажиточные, хозяйство въ порядкѣ; хоть покойникъ и жилъ широконько, но впередъ не заживался, чужаго не прихватывалъ; хозяйственныя заведенія разнаго рода были у него устроены хорошо и прочно, по мѣркѣ на вотчину въ четыреста душъ. Перечетверите, да перепятерите все это, и что тутъ останется? Куда одному изъ наслѣдниковъ дѣваться со скотнымъ дворомъ на сто головъ, когда онъ не въ силахъ прокормить и десяти? Куда другому съ житницей на пять тысячъ четвертей, когда у него ихъ на–лицо не бываетъ болѣе пятидесяти? Что третьему дѣлать съ птичникомъ и обширнымъ овиномъ на каменныхъ столбахъ, коли, сверхъ–того, и овинъ и птичникъ еще остались за межой, на чужой землѣ? Вотъ посмотрите: барская усадьба, за сносомъ всѣхъ сносимыхъ частей съ разными владѣльцами, еще–таки разгорожена заборомъ пополамъ: дворы, садъ, огородъ, не только самый домъ, все

размежевано, и двѣ закоснѣлыя непріятельницы живутъ подъ одной общей кровлей, размежевавъ и чердакъ и подвалъ и сталкиваясь всюду для смутной вражды и брани. Остальные три владѣльца расположились по разнымъ концамъ сельца: одному изъ нихъ досталась теплица, которая разсыпалась бы, еслибъ ее стать переносить; она осталась на старомъ мѣстѣ, на чужомъ усадѣ; новый хозяинъ поддерживать ее не въ силахъ, а взялъ; пробившись съ нею нѣсколько лѣтъ и разорившись на нее, онъ теперь забрался въ нее самъ, всѣмъ дворомъ опричь хоромъ, и процвѣтаетъ тамъ, вмѣстѣ съ ананасами. Лѣсъ, вода, луга — все размежевано клиньями да полосами; каждый лоскутъ, по качеству, отдѣльно размежеванъ на пять полосъ, чтобъ никому не досталась борозда къ своему загону; жадность и зависть все располосовали на тесьмы и ленты — ну просто никому нельзя курицы выпустить, чтобъ она не зашла въ чужую межу…. Вотъ, поглядите, кровли раскрыты: ихъ истравили зимой на барскій скотъ;

лошадёнка найдется развѣ въ десятомъ дворѣ, коровёнка едва–ли и на десять дворовъ одна: «у насъ скота держать нельзя» отвѣтитъ вамъ здѣсь каждый мужикъ на вопросъ объ этомъ: на межахъ живемъ, и сохи на своей полосѣ не заворотишь; у насъ скотину со двора займутъ, не только съ улицы, а выгнать и курицы некуда; семерыхъ въ одинъ кафтанъ согнали.»

— Отчего жъ, спросилъ я: — помѣщики ваши не сдѣлаются какъ–нибудь добромъ, не разверстаются землями къ одному мѣсту, не скупятъ имѣнія, хоть по частямъ, въ однѣ руки?... Вѣдь нельзя же имъ не убѣдиться на дѣлѣ, что при нынѣшнемъ порядкѣ всѣ они лишаются своихъ доходовъ?

— Говорите вы! ужъ мало ли мы съ ними бились! Какъ дѣло дойдетъ до разверстки, то у каждаго изъ нихъ одна забота, чтобъ кому изъ прочихъ не досталась полоса получше. Въ чужихъ рукахъ ломоть великъ: какъ ни разводи ихъ, все зависть претитъ, все несогласны — ну и межуютъ

каждый клокъ порознь и поровну. Вонъ у нихъ всѣ полосы, въ длину вёрсты, а въ ширину сажени, всѣ въ лапшу искрошили; ни одинъ нейдетъ на размѣнъ безъ барыша, то–есть не обидѣвъ и не обдѣливъ другаго; а какъ въ дѣлежѣ обоимъ нельзя взять больше и надуть другъ друга, то и мѣны быть не можетъ; и лежатъ, какъ песъ на сѣнѣ — ни себѣ, ни другому. А чтобъ скупить клочки въ однѣ руки, то на это бы всякій изъ нихъ готовъ, на это бы всѣ они лакомы, да купила–то ни у кого не хватаетъ, а въ долгъ ни одинъ не уступаетъ ни одной бороздки, будучи самъ готовъ принять въ вѣдѣніе свое всѣ сосѣднія имѣнія, съ платою за нихъ заемными письмами. Всѣ они въ этомъ отношеніи такъ хорошо знаютъ сами себя и другъ друга, что даже одно предложеніе посредника о подобной сдѣлкѣ считаютъ личною обидой. Вотъ они и сошлись тутъ самъ–пятъ, сидятъ въ кучкѣ, а глядятъ врознь, стерегутъ лоскутья свои и подстерегаютъ другъ друга въ потравѣ, не давая покоя ни себѣ, ни добрымъ людямъ.

Между–тѣмъ, мы подошли къ старой усадьбѣ, разгороженной во всю длину пополамъ; перегородка эта во всю длину чистаго, чернаго и скотнаго дворовъ, усажена была по гребню рогатками, какъ бы раздѣляя два непріятельскіе стана. У господскаго дома было два подъѣзда, съ каждаго конца по одному, но оба, очевидно, кой–какъ пристроены были новыми зодчими, между–тѣмъ какъ первоначальный подъѣздъ и входъ посединѣ дома былъ упраздненъ: дверь была заложена и крыльцо сломано. Одна половина лицевой стороны дома была не такъ давно подмазана вохрой, другая, напротивъ, носила на себѣ всѣ слѣды десятилѣтняго пребыванія въ исконномъ видѣ своемъ, такъ–что только одна половина заложенной посреди дома двери, сломаннаго подъѣзда и крыльца была завохрена домашними средствами, на половинѣ генеральши, а другая оставалась нетронутою, со времени послѣдняго домашняго переворота. Генеральская же половина крыши чинилась, и по этому

поводу вся кровля размежевана была чрезъ конекъ поперегъ веревкою, на самой границѣ владѣній.

Мы вошли. Мальчишка, сидѣвшій въ передней, приказалъ намъ обождать, покуда онъ позоветъ *дядюшку*, и чрезъ нѣсколько минутъ явился, кажется, съ дѣдушкою — со старымъ, дряхлой слугой, на котораго, для пополненія нищенскаго наряда его, оставалось только навѣсить суму. Старикъ привѣтливо поклонился спутнику моему, назвавъ его по имени и отчеству, извинился, просилъ тотчасъ же войдти, а самъ пошелъ съ докладомъ къ генеральшѣ. Вскорѣ въ сосѣдней комнатѣ послышались стоны, безъ которыхъ хозяйка никогда и никого не принимала. Насъ просили войдти.

На длинномъ диванѣ, въ одномъ углу его, на высиженномъ въ-теченіе многихъ лѣтъ мѣстѣ, въ глубокой ямкѣ, сидѣла довольно-тучная старушка, съ лицомъ ничтожнымъ до пошлости: несмотря на выкатившіеся глаза, первые пріемы ея показали, что она помнитъ и уважаетъ чинъ

свой, но иногда умѣетъ быть снисходительною. Предводителю говорила она: «Ты мой, батюшка, мой, голубчикъ, отцы наши покровители», на меня же не обращала никакого вниманія; раза два только, вначалѣ, она съ осторожностью на меня покосилась, взглянувъ бочкомъ не въ лицо мнѣ, а на мою одежду: изношенный дорожный сюртукъ мой, повидимому, успокоилъ ее, и она уже болѣе на меня не глядѣла, будто меня тутъ и не бывало. Спутникъ мой не счелъ за нужное представить меня, и я пользовался всею свободой отсутствующаго. Я оглянулся кругомъ: мебель ветхая, но старой, хорошей работы, а обивка на ней въ мохрахъ и лохмотьяхъ. На окнахъ — такъ–называемый поповскій цвѣтникъ: бальзамины, капуцины и герань; на шаткомъ полу, въ двухъ противоположныхъ углахъ, разсажены были врознь двѣ чумички, вязавшія непомѣрно–грязные чулки; въ дверяхъ стояла и по–временамъ выглядывала къ намъ украдкой еще дѣвка, босая, тиковая, плотная; ее, казалось,

очень затрудняли естественные законы статики, потому–что она, тиковая дѣвка эта, держалась для равновѣсія обѣими руками за дверь и ложилась впередъ всѣмъ тѣломъ, желая получше разсмотрѣть гостей. Далѣе не было видно, ни слышно ничего; но ею передавались по–временамъ позадь себя кому–то какіе–то телеграфическіе знаки.

Послѣ первыхъ привѣтствій, хозяйка наша закричала, чтобъ Никитѣ Иванычу, то–есть спутнику моему, подали кофе. Приказаніе это было передано далѣе вѣстовымъ женскаго пола, качавшимся въ дверяхъ, а исполнено вскорѣ еще инымъ должностнымъ лицомъ, женщиной въ лѣтахъ, съ плавной походкой и въ старомъ платьѣ съ барскихъ плечъ, которыя были почти вдвое шире плечъ распорядительницы кофейнаго угощенія, довѣренной особы, которая собственно *ходила около горячаго*. На меня не обращали никакого вниманія, и на мою долю не досталось ничего. Спутникъ мой только по–временамъ

косился на меня, улыбаясь, и продолжалъ бесѣду свою съ хозяйкой.

— Сдѣлайте милость, ваше превосходительство, покончимте дѣло это добромъ. Не хорошо для васъ, право не хорошо.

— А мнѣ что, мой батюшка! помилуй, куда же мнѣ дѣваться? не со свѣту же отъ нихъ бѣжать. Вѣдь житья нѣтъ — вонъ, послушай; слышь? Это милая сосѣдка моя стучитъ, гвоздь въ стѣну колотитъ, и все это мнѣ на зло. Вѣдь ваше дѣло наѣздное, голубчики мои, покровители наши; вѣдь вотъ ты послушалъ да и поѣхалъ, а мнѣ–то каково, горемычной? вѣдь она, я чай, всю стѣну у себя, на зло мнѣ, исколотила гвоздями — слышишь? Машка, поди, дура, скажи Филипычу (старому слугѣ, который насъ принималъ), скажи, чтобъ онъ унялъ эту озорницу, безстыдницу; скажи, что вотъ–де гости у генеральши, самъ предводитель.... ну, пошла же! Вотъ все такъ, батюшка, день деньской, а ужъ какую–нибудь пакость да придумаетъ. Вотъ хоть бы это дѣло, покровители вы наши, о

которомъ изволишь говорить. Вѣдь толкуешь, а дѣла–то не знаешь, ей–Богу не знаешь, не такъ бы говорилъ. А ты лучше, послушай меня, чѣмъ обижать сироту безвинно: я тебѣ разскажу все, какъ есть, не утаю ничего.... (стукъ за стѣною раздался еще сильнѣе).... Слышишь ли? видишь ли? Что скажешь на это, отцы наши? И такъ вотъ она все дѣлаетъ, простоволосая; а она и чепецъ–то незаконно носитъ, ей–Богу незаконно — да!... Ну, вотъ слушай: курицу мою, хохлушечку, изволишь видѣть, обварила она кипяткомъ — вотъ злоба какая, прости Господи, за–то, что та, бѣдная, подошла къ ней, подъ окно только подошла, да на антихристку эту поглядѣла; вотъ съ чего, батюшка, и дѣло–то у насъ началось. Ну, за что жъ она курицу мою обварила, разсуди же ты самъ? Ну дворянское ли это дѣло? Вотъ дѣвчонка моя, увидавъ скверность такую, заступилась за барыню свою, за генеральшу — вонъ эта, вонъ, что въ углу сидитъ. Негодная она, покровитель ты мой, сегодня и рядовъ не прошла по

уроку — я вотъ еще раздѣлаюсь съ нею — да, а за добро мое заступилась, за обиду; а во дворѣ у нея объ эту пору баба случилась, съ села, грибковъ принесла кузовочекъ, сколько слѣдовало ей тамъ поставить на барскій дворъ. Проклятая–то и кричитъ бабѣ: «Поймай сейчасъ дѣвчонку эту», и обругала ее, «поймай сейчасъ, да потаскай ее порядкомъ», а сама еще приговариваетъ, въ окно глядя: «еще прибавь, еще хорошенько!» Такъ моя Палашка насилу вырвалась изъ–подъ этой потасовки, вся избитая ко мнѣ прибѣжала; реветъ, батюшка: вѣдь больно; вѣдь тоже человѣкъ. «Ахъ ты, згинь передо мной» подумала я, «что я стану дѣлать, бѣдная я, горемычная сирота?» Послала за старостой и накрѣпко наказала ему какъ–нибудь поймать бабу эту, да порядочно ей попомнить дѣло это, чтобъ она впередъ знала одно свое свиное рыло да кривое веретено, а не смѣла бы рукъ подымать на генеральскихъ крестьянъ. Вотъ, покровители мои, старостиха моя и зазвала какъ–то бабу эту къ себѣ, и досталось ей

тамъ таки–порядкомъ; что жъ? не подѣломъ, скажешь, батюшка, что ли? Ну, слушай же, слушай все: не прошло трехъ дней, какъ бурнаевскій староста, по приказанію барыни своей, вотъ, почтенной сосѣдки моей, озорницы, какъ староста ея поймалъ на улицѣ мою старостиху; та въ крикъ, благимъ матомъ, такъ нѣтъ, сударикъ ты мой! затащили ее силою, какъ вотъ сущіе разбойники, въ избу и отбузовали ее такъ, что вѣдь еле–еле жива осталась. Ну, мой отецъ, тутъ–то что прикажешь дѣлать — а?

Напрасно предводитель старался вразумить генеральшу, что и сама она въ дѣлѣ этомъ неправа, что враждѣ этой и взаимной мести конца не будетъ, если обѣ стороны станутъ продолжать подобную расправу, что самоуправство было тутъ обоюдное, и что, по руской пословицѣ: первая брань лучше послѣдней, надо дѣло это бросить и покончить — все напрасно: хозяйка, среди самой жаркой бесѣды своей и самыхъ горькихъ жалобъ, вспомнила вдругъ, что гость ея охотникъ до земляники

и думала хоть этимъ склонить его въ свою сторону: она отрядила Сашку, чтобъ позвать Машку, Машку послала за Палашкой, а Палашкѣ велѣла сказать ключницѣ, чтобъ подала для дорогаго гостя землянички, а между–тѣмъ стала охать и вздыхать, поминая покровителей своихъ, смотрѣла на гостя съ какою–то недовѣрчивостью, будто хотѣла спросить: «да ужъ ты, мой батюшка, не купленъ ли окаянною злорадкою моею?» При потчиванiи земляникой, она опять сдѣлалась довѣрчивѣе и на всѣ убѣжденія предводителя непоколебимо отстаивала право и правоту свою, требуя одного: отеческаго совѣта и наставленія, чѣмъ и какъ бы теперь отомстить Бурнаевой. «Будь другъ и благодѣтель» продолжала она, «приставь голову къ плечамъ, научи ты меня, горемычную, какъ бы мнѣ отвадить ее, какъ бы ей всучить щетинку, да чтобъ она вѣкъ меня помнила!»

Между–тѣмъ я опять остался за штатомъ: мнѣ не дали и земляники. Предводитель сдѣлалъ еще попытку

примирить генеральшу съ другимъ сосѣдомъ ея, жившимъ въ особой берлогѣ, на другомъ концѣ селенія. Тутъ дѣло началось не съ курицы, а съ пѣтуха: діогеновскій пѣтухъ этотъ, двуногій и безперый, безпутный и сбалмошный племянникъ одного изъ пяти владѣльцевъ Подымалова, который былъ приглашенъ и принятъ разбитымъ параличомъ дядей, для помощи по управленію имѣніемъ, не выходилъ со двора безъ хлыста и шатался по селу чуть не круглыя сутки для полицейской расправы. Въ–особенности строго наблюдалъ онъ за потравою, загонялъ лично крупную и мелкую скотину и даже птицу къ дядюшкѣ на дворъ, для полученія выкупа, а виновныхъ, даже и людей генеральши, наказывалъ изъ своихъ рукъ, по усмотрѣнію. По поводу такого событія, задорный пѣтухъ этотъ, преслѣдуя какого–то потравщика со двора генеральши, самъ позабылъ всѣ грани и межи, перескочилъ, въ горячности своей, въ огородъ, перетопталъ что ни попало ему подъ ноги и, кромѣ этихъ безпорядковъ и

убытковъ, произвелъ въ чужомъ владѣніи возмущеніе — между овцами; преслѣдуемый думалъ укрыться въ овчарнѣ, а преслѣдователь ворвался за нимъ по горячимъ слѣдамъ, растворилъ настежь загонъ и распустилъ овецъ, которыя всю ночь пропировали въ генеральскомъ огородѣ. Вотъ причина другой вражды, вслѣдствіе которой сдѣланъ былъ ночной набѣгъ, распоряженіемъ старосты генеральши, на огородъ берложнаго жителя, а занятые имъ гуси отбиты силою. Съ той и съ другой стороны поданы были просьбы, множество побочныхъ обстоятельствъ запутало и испестрило дѣло это, и преводитель, ради позора, хотѣлъ прекратить его мировою. Но всѣ старанія и тутъ также были тщетны и не повели ровно ни къ чему. Почтенная генеральша никакъ не могла понять самыхъ простыхъ и ясныхъ истинъ, точно будто–бы съ нею говорили по–китайски. Она все продолжала разсказывать свое горе, свое сиротское житье, обиды сосѣдей, и въ десятый разъ снова пускалась во всѣ подробности то

того, то другаго событія, обвиняя во всемъ всѣхъ, кромѣ себя и своего генеральскаго старосты. «Чѣмъ бы попотчивать тебя, дорогой ты мой гость?» продолжала она, покачивая привѣтливо головою и глядя искательно въ глаза ему, не обращая притомъ никакого вниманія на мои любознательные взоры: «и клубнички–то ты ужъ нынче не хочешь кушать у меня — о–о–хо–хо, миротворцы вы наши, отцы–покровители! Вѣдь скверный человѣчишко онъ, и съ названымъ племянникомъ своимъ, вотъ что, поплевка онъ не стоитъ, и не заступаться бы тебѣ за него....»

— Такъ удостойте же его снисходительно хоть этого: плюньте да покиньте дѣло, памятуя высокій санъ свой и чиновное достоинство....

— Заступникъ, заступникъ и покровитель, да только не вдовъ и сиротъ, какъ Богъ и Государь велятъ, а вотъ какихъ людишекъ....

— Помилуйте, сударыня, за что же вы изволите обижать меня?... Я забочусь обо всѣхъ, а болѣе всего о васъ; я желалъ бы

избавить васъ отъ непріятной огласки, отъ безполезныхъ хлопотъ, непріятнаго для васъ безпокойства, которымъ вамъ теперь угрожаютъ....

— Угрожаютъ, батюшка, перебила она — угрожаютъ. Всѣ на меня, на сирую вдовицу, всѣ вы кормильцы на сиротъ, а за нихъ–то кто, отцы мои? одинъ Богъ?

— Матушка Аграфена Абрамовна, ваша правда, да вы напередъ выслушайте меня: вѣдь не за худомъ, а за добромъ было я къ вамъ пріѣхалъ. Ну положимъ, что дѣло ваше, вотъ хоть съ Бурнаевой, вначалѣ правое, да разсудите жъ, ради Бога, вѣдь по самоуправству, на которое сосѣди ваши жалуются, и сами вы несовсѣмъ–правы: вѣдь драться–то Богъ и государь также не велятъ; а зазвать бабу и обойдтись съ нею такъ — это, воля ваша, вовсе не годится. Ну коли дѣло пойдетъ въ ходъ, то что жъ тутъ будетъ добраго для васъ? Нельзя же, чтобъ васъ за это оправдали! Старосту вашего потянутъ въ судъ, мужиковъ поведутъ туда жъ свидѣтелями; на селѣ пойдутъ розыски; васъ станутъ день за день безпокоить, да

вѣдь и самихъ васъ запросы не минуютъ — ну пріятно ли вамъ все это будетъ?

Я написалъ всю рѣчь предводителя въ одинъ духъ, но она сказана была, и то съ трудомъ, въ разбивку и въ десять пріемовъ, потому–что Аграфена Абрамовна перебивала ее на каждомъ третьемъ словѣ; она не умѣла ни слушать, ни понимать такихъ рѣчей, а умѣла только возражать и отвѣчать на каждое сказанное слово; на слова: «положимъ, что ваше дѣло правое», она отвѣчала съ жаромъ, перебивая рѣчь: «да ужъ тамъ власть ваша, хоть кладите, хоть не кладите, а вѣстимо, что правое»; на замѣчаніе о самоуправствѣ — что ее, вотъ, никакъ ужъ въ озорники пожаловали, что вотъ нынѣ уже ни одного подлеца пальцемъ тронуть нельзя, а надо терпѣть все, и что вотъ какія времена пришли, и прочее. Словомъ, тутъ непочто было терять слова, и хозяйку нашу вразумить не было никакой возможности.

Спутникъ мой вздохнулъ, покосился на меня, пожалъ плечами, между–тѣмъ какъ генеральша наша продолжала

соболѣзновать о сиротскомъ положеніи своемъ, о горемычномъ житьѣ–бытьѣ и беззащитности бѣдной вдовы, которую всякій обижаетъ; продолжая плакаться на озорничество злорадцевъ своихъ, которые вездѣ находятъ покровительство и защиту, она вдругъ оглянулась въ сторону и дала окрикъ на одну изъ вязальщицъ: «чего ротъ разинула, чушка?» и закончила тою же простодушною просьбою, какою начала бесѣду: «не откидывайся ты отъ меня, защитники и покровители вы наши; вѣдь я пріѣзду твоему, какъ слѣпецъ прозрѣнію, обрадовалась; не откажись, дай совѣтъ: какъ же мнѣ теперь съ недругами своими управиться, что бъ мнѣ такое надъ ними сдѣлать?»

Предводитель, въ самомъ забавномъ отчаяніи, опустилъ голову, вздохнулъ съ удержаннымъ нетерпѣніемъ, всталъ и сказалъ:

— Вотъ я какъ засидѣлся у васъ въ пріятной бесѣдѣ, а намъ съ товарищемъ давно пора ѣхать; я и его позадержалъ. Позвольте хоть на прощанье представить

вашему превосходительству: статскій совѣтникъ Н.

Хозяйка вытянулась, приподняла брови надъ уставленными въ меня большими, безжизненными глазами. Она никакъ не ожидала, чтобъ статскій совѣтникъ, чуть не генералъ, просидѣлъ такъ скромно и спокойно на стулѣ у дверей въ продолженіе цѣлаго часа, между–тѣмъ какъ за круглый диванный столъ, гдѣ сидѣла хозяйка съ другимъ гостемъ, подавали кофе и землянику.

— Ахъ мой отецъ и благодѣтель! заступники вы мои! сказала наконецъ, собравшись съ духомъ, хозяйка, уважавшая чины и санъ: — хороши же мы съ тобою, нечего сказать! Палашка, зови скорѣе Машку! Машка! вели скорѣе ключницѣ кофе подать. Милости просимъ; не откажите; очень–рада вамъ. А вы гдѣ изволите служить; при какой должности?

— Я служу профессоромъ, сударыня, при университетѣ.

— Профессоромъ, повторила она, видимо успокоившись: — да, такъ, я

знавала.... Да вотъ и тутъ у насъ, недалеко, также былъ.... какъ бишь его? ныньче, слышно, и по учительской должности иные дослуживаются и въ люди выходятъ.... А не вы ли, батюшка, ѣздили тутъ поблизости — какъ–то во дворѣ у меня сказывали — имѣньице смотрѣть? Видно также купить желаете?

— Нѣтъ, сударыня, я имѣній не покупаю, а смотрю на нихъ иногда волей и неволей, и то со стороны, и за этимъ не ѣзжу.

— Такъ, сказала она со вздохомъ недоумѣнія: — а въ краяхъ нашихъ стало–быть, проѣздомъ? проѣздомъ?

Товарищъ мой сталъ вторично раскланиваться, сказавъ, что пора и честь знать. Мы извинились за безпокойство и спѣшно удалились. Такъ–какъ оказалось, что этотъ статскій совѣтникъ былъ профессоръ, то и приглашеніе на кофе и землянику не повторилось.

— Ну что? спросилъ меня Никита Ивановичъ, когда мы вышли на просторъ — какова?

— Ничего, отвѣчалъ я: — Коробочка въ своемъ родѣ.

— Я съ намѣреніемъ потѣшилъ наблюдательность вашу, оставивъ васъ въ покоѣ, на стулѣ у дверей, чтобъ дать вамъ случай увидѣть и послушать ее на просторѣ. Вотъ къ кому насъ приставляютъ пѣстунами; прошу тутъ управиться, прошу вразумить ее и наставить!

— Никита Ивановичъ, батюшка!... раздался за нами сиплый, рѣзкій голосъ. Я оглянулся и увидѣлъ, что изъ окна другой половины разгороженнаго пополамъ дома, той именно, которая осталась неокрашенною и гдѣ властвовала самоуправная же сосѣдка генеральши — что изъ окна этого выглядывала голова въ чепцѣ; но опытный спутникъ мой ухватилъ меня за руку и, прибавивъ шагу, сказалъ: «Не оглядывайтесь: тутъ бѣда будетъ, не отдѣлаемся. Будетъ съ васъ, поѣдемъ. Объ этой, хоть она и не генеральша, поразскажу вамъ дорогою. Подражая чиновной генеральшѣ, она величаетъ себя *совѣтницей;* еслижъ спросите ее, когда это

нужно бываетъ знать, напримѣръ, при подписи бумагъ, какая она совѣтница, то она извиняется безпамятствомъ и незнаніемъ чиновъ и проситъ писать ее по чину просто совѣтницей. Она, изволите видѣть, не статская, а титулярная, да и то пополамъ съ грѣхомъ, какъ намекнула намъ гордая соперница ея, генеральша. Но сядемте сперва и уѣдемъ: намъ издали грозитъ еще третье привидѣніе — одинъ изъ здѣшнихъ помѣщиковъ. Это также лицо довольно–замѣчательное: онъ уже тридцать лѣтъ какъ собирается основать монастырь, не получивъ на это, впрочемъ, никакого разрѣшенія, и постоянно собираетъ для этого приношенія и вклады. Взгляните: онъ уже стоитъ за воротами съ кружкою, глядитъ сюда и, безъ–сомнѣнія, ждетъ только отвѣта гонца своего, посланнаго впередъ на развѣдку и пустится поперегъ, чтобъ намъ отрѣзать дорогу. «Пошелъ!» закричалъ Никита Ивановичъ ямщику: «да смотри, не останавливайся, не слушай никого, гони впередъ....»

Владѣтели сельца Подымалова выходили на крылечко, или стояли въ окнахъ, справа и слѣва, когда мы проѣзжали по улицѣ, махали привѣтно руками и кричали: «Никита Иванычъ, батюшка!» Но спутникъ мой раскланивался съ ними въ обѣ стороны и только приграживалъ изподтишка ямщику, который вопросительно на него оглядывался, въ готовности осадить лошадей.... И Богъ вынесъ насъ благополучно....